

Сказка об Иване-царевиче и гуслях- самогудах

Основано на издании 1874 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/skazka_ob_ivane_tsareviche_i_guslyakh_samogudakh/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Сказка об Иване-царевиче и гусях-самогудах

Далеко-далеко за синим морем, за огненной пучиной, на местах раздольных, среди лугов привольных раскинулось тридевятое царство, тридесятое государство. А правили в том государстве царь Умная Голова с царицей Нежное Сердце. Жили супруги в мире да согласии, и в положенный срок родилась у них дочь, а через год появилась на свет ещё одна. Старшую девочку назвали родители Неоценой, а младшую нарекли Бесценой. Души царь с царицей в дитятках своих не чаяли, во всём им угождали, каждое желание малышей исполняли. Кормили их только золотыми ложками, спать укладывали на пуховых перинах, укрывали собольими одеялами. По три слуги около каждой детской кровати стояли да от девочек мух отгоняли. Берегли Неоцену с Бесценой и от палящего солнца, и от холодной росы, и от буйного ветра. А чтобы с царевнами ничего не случилось, приставил к ним царь семьдесят семь нянюшек да семьдесят семь дядюшек.

Шли годы, дочки царские росли да хорошели, стали к ним женихи приезжать, чтобы посвататься. Только царь отдавать дочек замуж не торопился. Умная Голова так рассуждал: ежели человек судьбой предназначен, то и на коне его не объедешь, а коли не твой это суженый, то его хоть тремя цепями железными его прикуй – всё равно оторвётся. Правильные были те суждения, справедливые да богоугодные. И всё бы пошло по царскому разумению, если бы не вмешалась судьба-злодейка.

Вот сел как-то государь указы подписывать, а тут такой шум да гам за окном поднялся, что хоть святых выноси! Вышел царь Умная Голова во двор да спрашивает строгим голосом:

— Вы почто, окаянные, верещите, царскими делами заниматься мешаете?

Кинулись тут государю в ноги семьдесят семь нянюшек да семьдесят семь дядюшек, челом бьют, голоса на все лады:

— Не вели, царь-батюшка, казнить, вели слово молвить! Виноваты мы перед тобой да царевной Нежное Сердце! Нет нам пощады, а всё же смилуйся над нами, грешными!

— Да что случилось-то? Никак в толк не возьму!

— Вывели мы царевну Неоцену с царевной Бесценой на лужок погулять, свежим воздухом подышать, пёстрых бабочек половить, яркими цветочками полюбоваться. А тут откуда ни возмись затмило небо чёрное облако, налетел вихрь-ураган, повалил нас всех наземь, глаза песком засыпал! Как утихло всё, протёрли мы глаза, глядь, а дочек твоих и след простыл – видом не видать, слухом не слышать! Наверное, подхватил царевен-красавиц ветер перелётный да унес неведомо куда!

Затрясся царь от злости, налились его щёки пунцовым румянцем, глаза чуть из орбит не выскочили! Закричал он что есть мочи:

— Лютой смерти вас всех придам, в темнице сырой уморю, на воротах велю повесить да горохом расстрелять! Как же так: семьдесят семь нянек да семьдесят семь дядек за двумя детишками усмотреть не смогли, кровиночек моих устеречь не сумели!

Упал он на землю в припадке, чуть удар его не хватил. Потом пришёл немного в себя, только от горя совсем обессилел: ни есть не может, ни пить, всё плачет да тоскует. И царица Нежное Сердце вместе с ним слезами горькими умывается, места себе не находит. Поселилась в том царстве печаль смертная: никто не гуляет, не веселится. Весь народ с работы домой придёт да сидит себе тихонько, на улицу носа не кажет. Грусть-тоска над полями да над лесами летает, заунывную песню напевает, лишь иногда ворон зловеще каркнет да тут же замолчит.

Шло время, а оно, как известно, лечит. Жизнь людская переменчива, словно ткань пёстротканная: цветок чёрный, потом цветок красный, а за ним белый. Минуло с той поры три года, и родился у царя с царицей сынок, назвали его Иваном. Приставил Умная Голова к своему наследнику учителей мудрых да воевод храбрых. Стал Иван подрастать, словно пшеничное тесто на опаре всходить: не по дням, а по часам. И лицом-то он хорош, и умён, и статен. Одно только государя печалило: не было у царевича молодецкой удали, богатырской хватки. Не любил он ни мечом калёным махать, ни копьё булатное бросать. Крепости царский наследник с ровесниками своими не строил, воевод вполуха слушал. Одна у него была утеха – на гусях-самогудах бренчать. А играл Иван-царевич так умело, что все вокруг заслушивались! Как коснётся он пальцами струн медных, так запоют-загудят они чудесными голосами. Если грустную мелодию юноша наигрывает, то люди плачут, а если весёлый мотив заиграет, то даже безногие в пляс пуститься норовят. Хороша та музыка, только казны-то ею царской не наполнишь, врага любого не одолеешь...

Вот позвал как-то раз царь Умная Голова царевича пред свои очи ясные да говорит:

— Сын ты мой любимый, наследник единственный! Всем хорош ты да пригож, одно только меня кручинит: не вижу я в тебе молодецкой удали, богатырской хватки. Не любишь ты ни мечом калёным махать, ни копьё булатное бросать. Крепости с ровесниками своими ты не строишь, воевод вполуха слушаешь. Стар я становлюсь, а царству нашему враги лютые угрожают. Что будет, если нападут они на нас, государство наше завоюют, воевод да бояр смерти предадут, а меня с царицей в плен возьмут? Как ты народ свой да родителей защищать будешь?

Выслушал Иван-царевич отца внимательно, подумал и отвечает:

— Государь мой, батюшка! Не силой города берут, а хитрость, не дубиной ворота бь-

ют, а уменьем их распахируют. Вот были у меня две сестры-царевны, подхватил их ветер перелётный да унёс неведомо куда. Стёрлась память о них, словно метелью замело. Созови всех своих славных князей, отважных воевод да могучих богатырей, вели им сослужить тебе службу царскую – отыскать царевну Неоцену с царевной Бесценой. Пусть берут добрые молодцы мечи булатные, копыя железные, стрелы калёные, доспехи крепкие да в путь-дорогу отправляются! Ежели кто тебе такую службу сослужит, то отдай ему всё моё наследство, а мне вели поварёнком быть или скоморохом слыть. А если никто не согласится, то я сам за тридевять земель пойду да сестёр своих отыщу. И тогда увидишь ты, что разум человеческий сильнее любого копия железного, крепче любого меча булатного, острее любой стрелы калёной.

Понравилась царю эта речь, созвал он славных князей, отважных воевод да могучих богатырей и сказал:

— Тому из вас, кто сослужит мне службу да отыщет царевен, которых ветер перелётный унёс, отдам я любую из них в жёны да полцарства в придачу.

Переглянулись князья, богатыри да воеводы, посовещались и отвечают:

— Эта задача, государь, для нас непосильная. Нет среди нас добровольцев, согласных на поиски дочерей твоих отправиться.

Вышел тогда вперёд Иван-царевич и говорит:

— Царь-батюшка, раз никто не берётся сослужить тебе службу, благослови меня в путь-дорогу дальнюю! Пойду я на поиски сестёр моих пропавших, и никакого царского жалованья мне за это не надобно.

— Хорошо! – отвечает Умная Голова. – Благословляю я тебя на дело праведное! Бери из казны золота, серебра да камней драгоценных сколько требуется. Коли помощь тебе нужна, забирай дружину царскую – и пеших, и конников. Да оружие выбери самое лучшее, чтобы смог ты с врагами на равных сражаться.

— Спасибо тебе, царь-батюшка, только не возьму я ни золота, ни серебра, ни камней драгоценных. Не нужна мне дружина, обойдусь я и без оружия. Возьму с собой лишь гусли-самогуды да сухарей котомку. Ежели через три года назад в родное царство не вернусь, выбирай себе нового наследника.

Помолился Иван-царевич и отправился куда глаза глядят. Долго ли он шёл, коротко ли, низко ли брёл, высоко ли – скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. С утра до вечера добрый молодец всё прямо да прямо шагал, а как ночь наступала, на травушку-муравушку шёлковую ложился да под сводом небесным с яркими звёздными словно под покрывалом широким спал. Шёл он так, шёл, пока не добрался до леса дремучего. Подошёл Иван поближе, слышит: что-то трещит в лесу, гремит, завывает.

— Что ж, – думает царевич, – двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Отправился он в самую лесную чащу страху в глаза посмотреть. Добрался до опушки, видит: два леших дерутся. Один друга своего дубом коренастым колотит, а второй сосной высоченной отбивается. Мутузят они друг друга со всей бесовской силы, аж искры из глаз летят! Подошёл к ним Иван поближе, снял гусли с плеча да заиграл плясовую. Опешили лешие, а потом как пустились трепака наяривать, что пыль аж до самого неба поднялась. Плясали они так, плясали, пока не утомились да на землю не повалились. Спрашивает их тогда царский сын:

— Почему это вы, ребята, дерётесь? Что не поделили?

Отвечают ему лешие наперебой:

— Как же нам не драться, мил человек? Вот сам рассуди! Шли мы по дороге да нашли скатерть-самобранку, сапоги-скороходы и шапку-невидимку. Хотели поровну поделить, да не можем!

— А чем же находки эти так замечательны?

— Так захочешь поесть-попить – расстели скатерть-самобранку, тут же вмиг на ней лучшие яства да напитки появятся. Коли надобно тебе в дорогу дальнюю отправиться – надень сапоги-скороходы, и начнёшь шагами семимильными топать, так что ветер за тобой не угонится. А ежели грозит тебе беда неминуемая, нацепи шапку-невидимку и сгинешь так, что даже собака не унюхает.

— Ну, поделить эти вещицы несложно. Хотите, помогу вам с задачей справиться?

— Конечно, хотим, мил человек! Скажи, что нам делать нужно?

— Вставайте вот на эту дорожку да бегите по ней во всю прыть. Кто из вас первым туда да обратно прибежит, тому скатерть-самобранка, сапоги-скороходы да шапка-невидимка и достанутся.

— Хорошо, так мы и сделаем! Постереги пока наши находки, а мы побежали!

Рванули лешие со всех ног, а Иван-царевич не стал их дожидаться, надел шапку-невидимку, обул сапоги-скороходы, подхватил под мышку скатерть-самобранку, гусли-самогуды не забыл да был таков. Вернулись лешие, а царевича и дух простыл.

Добрался Иван шагами семимильными до чистого поля. Видит: три дороги перед ним, а на перекрёстке стоит избушка на курьих ножках, вокруг себя оборачивается. Снял тогда добрый молодец шапку-невидимку с сапогами-скороходами да говорит:

— Избушка-избушка, встань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом!

Повернулась избушка, зашёл в неё царский сын, а там Баба-яга костяная нога на печи лежит, в потолок плюёт.

— Фу-фу-фу! – говорит старуха. – Тысячу лет русского духа не чуяла, а тут он сам ко мне явился. Зачем, гость незванный, пожаловал?

— Кто ж так, бабушка, гостей встречает? – спрашивает Иван. – Ты меня сначала напои, накорми, баньку истопи, а потом уж расспрашивай.

Вскочила Баба-яга с печи – и откуда прыть взялась? Баньку истопила, царского сына напоила, накормила, стала расспрашивать:

— Ну, рассказывай добрый молодец, куда путь-дорогу держишь?

— Иду я, – отвечает царевич, – сестёр своих царевну Неоцену да царевну Бесцену искать. Не знаешь ли ты, бабушка, где мне их найти?

— Про Бесцену не знаю, а до Неоцены подскажу, как добраться. Живёт она в палатах белокаменных у Лесного Чудища. Чтобы найти её, по средней дороге идти нужно. Только труден тот путь, больно уж далеко шагать надобно. И даже если доберёшься, толку мало – съест тебя Чудище, даже косточек не оставит!

— Ну, бабушка, это мы ещё посмотрим! Русский человек жилист да костляв, авось Лесное Чудище и подавится! Да и вообще: Бог не выдаст – свинья не съест. Спасибо тебе за подсказку да за хлеб-соль. Не поминай лихом!

Обул Иван-царевич сапоги-скороходы да зашагал по средней дороге семимильными шагами. И дня не прошло, как он до каменных палат, высокой стенной обнесённых, добрался. Подошёл добрый молодец к воротам, а там бесёнок сидит, грозно кричит:

— Никого пускать не велено!

Решил тогда царский сын стену обойти да с другой стороны через неё перелезть. Взобрался наверх, а там струны натянуты. Задел их Иван ногой, и такой тут звон-перезвон раздался, хоть святых выноси. Выбежала на крыльцо царевна Неоцена, увидела незнакомца и спрашивает:

— Кто ты такой, добрый молодец, будешь? Что тебе здесь надобно?

— Я брат твой родной Иван-царевич – сын царя Умной Головы да царицы Нежное Сердце! Пришёл я, чтобы тебя, сестрица моя ненаглядная, от Чудища Лесного спасти!

Спустился Иван со стены, обнялись они с сестрицей, расцеловались.

— Не сможешь ты меня, братец, отсюда увезти! Сейчас Чудище Лесное явится да съест тебя, даже косточек не оставит!

— Не бойся, сестрица, я не пропаду!

Сказал эти слова царевич, надел шапку-невидимку да тут же исчез, словно его здесь и не было. Прилетело Чудище Лесное, стало Неоцену расспрашивать:

— Где твой гость, который через стену перелез?

— Не видела я никаких гостей! – отвечает царевна.

— А почему же тогда звон-перезвон на всю округу стоял?

— Так это, наверное, воробей мимо пролетал, крылом за струны зацепил, вот они и

зазвенели.

— Нет, это не воробей! Чуя я – русским духом пахнет!

— Да мерещится тебе, Чудище Лесное! Рыщешь ты по белому свету, духа человеческого нанюхаешься, вот он тебе везде и чудится!

— Может, оно и так, но я бы сейчас не отказался человечешкой каким-нибудь полакомиться.

Снял тут Иван-царевич шапку-невидимку и говорит:

— Да зачем тебе, Чудище Лесное, меня есть? Видишь, какой я костлявый! Мной не наешься! Давай-ка лучше угощу я тебя такими яствами, которых ты в жизни своей не едал! Только смотри, осторожнее ешь, язык не проглоти!

Развернул царский сын скатерть-самобранку, и тут же на ней появилось угощение диковинное. Набросилось Чудище Лесное на еду, стало за обе щеки уплетать, чуть не лопнуло. Так наелось, что даже до палат белокаменных не доползло – тут же у стены свалилось да заснуло. Говорит тогда Иван Неоцене:

— Тебя я нашёл, надобно мне теперь вторую сестрицу разыскать – царевну Бесцену. Не знаешь ли ты, где она живёт?

— Знаю, – отвечает Неоцена. – Живёт она в океанской пучине в чертогах Чудища Морского. Только труден тот путь, больно уж далеко плыть надобно. И даже если доберёшься, толку мало – съест тебя Чудище, даже косточек не оставит!

— Ну, сестрица, это мы ещё посмотрим! Русский человек жилист да костляв, авось Чудище Морское и подавится! Да и вообще: Бог не выдаст – свинья не съест. Спасибо тебе за подсказку, не поминай лихом! Как найду Бесцену, за тобой вернусь, и поедем мы все вместе к родителям нашим!

Обнял добрый молодец царевну Неоцену на прощанье, обул сапоги-скороходы, подхватил шапку-невидимку, скатерть-самобранку да гусли-самогуды и отправился семимильными шагами к морю-океану. Добрался он до берега морского, видит: стоит у причала ладья деревянная со снастями лыковыми да парусами тканными. А на той ладье собираются корабельщики к острову Буян плыть. Говорит им Иван-царевич:

— Не возьмете ли меня, люди добрые, с собой? За провоз мне вам заплатить нечем, отблагодарю вас сказками да песнями. Так заслушаетесь, что и не заметите, как доплывёте!

Согласились корабельщики, подняли паруса да поплыли вместе с царским сыном по морю-океану. Всю дорогу им добрый молодец сказки рассказывал да песни пел. Вдруг откуда ни возьмись налетела буря, поднялись волны – вот-вот ладья ко дну пойдёт!

— Ох! – закричали корабельщики, – пока дань Морскому Чудищу не отдадим, он

нас дальше не пропустит! Давайте жребий кидать, кому в морскую пучину отправляться!

— Не надо никакого жребия, – говорит царский сын. – Я сам, по доброй воле к Морскому Чудищу пойду.

Подхватил он шапку-невидимку, сапоги-скороходы, скатерть-самобранку да гусли-самогуды и спрыгнул с ладьи в морскую пучину. Тут же буря утихла, волны успокоились, ладья дальше поплыла, а Иван-царевич по дну морскому пошёл царевну Бесцену искать. Долго ли он брёл, коротко ли, пока не добрался до чертога Чудища Морского. Как увидел его хозяин, оскалился, зубами заклацал:

— Эх, давно я мяса свежего не ел, а тут оно само ко мне пришло! Ты кто ж такой будешь?

— Я брат царевны Бесцены – сын царя Умной Головы да царицы Нежное Сердце! Пришёл, чтобы сестрицу свою ненаглядную домой забрать!

Взял Иван-царевич гусли-самогуды и заиграл мелодию, да такую заунывную, что Чудище Морское разохалось, разохалось, а потом зарыдало горючими слезами. Тут как приударит добрый молодец по струнам, как заиграет песнь развесёлую! Ноги у Чудища Морского сами в пляс пошли. Скачет он впрыска, никак остановиться не может. Ногами топает, пальцами щёлкает, глазами хлопает да такие гримасы корчит, что все рыбы вокруг хохочут. Потешилось Чудище на славу и говорит:

— Ну, такого молодца грешно есть! Оставайся у нас, живи сколько хочешь! Эй вы, сельди, шуки, лещи да окуни! Подавайте на стол, кормите-поите гостя дорогого!

Пока царский сын угощался, кит перед ним «Камаринскую» сплясал, сельди хором песню спели, а караси с морскими коньками на арфах да балалайках сыграли. После концерта Чудище Морское спать завалилось, а царевна Бесцена говорит Ивану-царевичу:

— Братец мой любимый! Хоть и рада я гостю дорогому, но всё равно уходить тебе отсюда надобно. У Чудища Морского семь пятниц на неделе: сегодня он тебя потчует, а завтра сам угощением на его столе оказаться можешь.

— Как же мне тебя да сестру нашу царевну Неоцену домой вернуть? – спрашивает царевич.

— Чудищу Лесному с Чудищем Морским никто не указ, кроме Царь-девицы! Только её одну они слушаются, только ей одной беспрекословно подчиняются! Коли она тебя полюбит, то прикажет Чудищам нас отпустить. Одна беда – стража у Царь-девицы больно суровая, никого к хозяйке своей не подпускает. Приезжали к ней свататься разные цари да царевичи, короли да королевичи, и богатыри, и витязи со всех государств окрестных, только ничего они не добились, все на копья угодили.

— Ну, страшна гроза небесная, да велика милость Божья. Как найти мне ту Царь-девицу?

— Дам я тебе моего осетра любимого, садись на него да плыви. А дорогу вам стерлядь носатая показывать будет.

Обнялись брат с сестрой на прощанье, взял Иван-царевич шапку-невидимку, сапоги-скороходы, скатерть-самобранку да гусли-самогуды, оседлал осетра и поплыл вслед за стерлядью. Раки по пути им встречают – честь усами отдают, клешнями в барабаны бьют, мелкую рыбёшку с дороги прогоняют, путь расчищают. А по морю-то плыть не то, что по лесу топать – ни пенька, ни задоринки, дорога гладкая, катись себе как по маслу! Домчал осётр царского сына до берега да снова в пучине морской скрылся. А добрый молодец надел шапку-невидимку и стал к дворцу Царь-девицы подбираться. Прошёл он незамеченным мимо стражи, зашёл в сад заповедный, прогуливается по нему, словно хозяин, яблочки наливные жуёт. Тут прилетели двенадцать белых голубиц, ударились о землю и превратились в двенадцать девиц – таких прекрасных, словно звёзды яркие. Вышла Царь-девица из дворца, подошла к девицам-голубицам да говорит:

— Ой, подружки мои любезные, как же солнышко сильно припекает! Давайте в пруду искупаемся! Царский сад стража крепкая охраняет, мимо неё даже муха не пролетит!

А Иван-царевич снял с головы шапку-невидимку да смеётся:

— Муха, говоришь, не пролетит? А как же я сюда пробрался?

Разохались девицы-голубицы, разохались, а добрый молодец поклонился Царь-девице и молвит:

— Не бойтесь меня, девицы красные! Я не медведь, не кусаюсь! Сердца неволей не возьму, а коли есть среди вас моя суженая, так я ей ряженный!

Раскраснелась Царь-девица, словно маков цвет, протянула руку белую и отвечает:

— Добро пожаловать, добрый молодец, в моё царство девичье! Царь ли ты или царевич, король ли ты или королевич, мне неизвестно. Но если пришёл ты к нам ласковым гостем, то и приём тебе будет приветливый. Приходили ко мне невежды да грубияны, хотели сердце девичье силой взять, за что и поплатились. А ты человек, вижу, вежливый. Пойдём же в мой дворец белокаменный, накормлю тебя, напою, о жизни своей расскажу да о твоём житье-бытье расспрошу.

Долго Иван-царевич с Царь-девицей беседовали, полюбились они друг другу и решили свадьбу сыграть. Закатали пир на весь мир, угощенья, что на скатерти-самобранке появилось, на всё царство хватило да ещё осталось. Как отшумело веселье, рассказал молодой муж жене любимой о том, что мечтает он сестриц своих царевну Неоцену с царевной Бесценой от Чудища Лесного да Чудища Морского избавить.

— Супруг ты мой возлюбленный! – отвечает Царь-девица. – Да разве ж я такой малости для тебя не сделаю?

Отправила она к Чудищу Лесному воробья шустрого а к Чудищу Морскому ерша вёрткого с указами царевен освободить да родителям вернуть. Уж как царь Умная Голова с царицей Нежное Сердце дочкам своим обрадовались, что ни в сказке сказать, ни пером описать! А потом приехал к ним в гости Иван-царевич с женой своей Царь-девицей.

— Видишь, батюшка, – говорит царский сын, – не всегда государства силой берут. Иногда ум да хитрость пригодиться могут! Разум человеческий сильнее любого копья железного, крепче любого меча булатного, острее любой стрелы калёной. А гусли-самогуды службу не хуже, чем меч-кладенец сослужить могут! Хотя и есть присказка, что плетью обуха не перешибёшь, а всё же без смекалки не обойтись!

Согласился царь Умная Голова с сыном своим разумным. Стали они с тех пор жить-поживать, в гости друг к другу приезжать. А царевен Неоцену с Бесценой выдали родители замуж за королевичей достойных, и прожили они в любви да согласии долгие-долгие годы.